

СЕРГЕЙ

КОСТИН

ПАҚО
АРРАЙЯ
ПО ТУ СТОРОНУ
ПРУДА

18+

1

ТУМАН ЛОНДОНИСТАНА

Сергей Васильевич Костин
Пако Аррайя. По ту сторону
пруда – 1. Туман Лондонистана
Серия «Секретный агент», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73234403

*Пако Аррайя. По ту сторону пруда – 1. Туман Лондонистана:
ISBN 9785002239177*

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Осенью 1999 года в Лондоне активно готовят боевиков-исламистов для новой войны в Чечне. Вместе со своим близким другом Алексеем Кудиновым и сотрудником резидентуры СВР Владимиром Моховым секретный агент Пако Аррайя пытается завербовать агентов в этой сети.

Египетский разведчик, алжирские террористы, ливанский коммерсант, чеченский врач – всё это кусочки пазла, который едва складывается, когда становится ясно, что исламисты действуют при попустительстве британских спецслужб.

Но тут Пако с Кудиновым похищают, и теперь речь идет уже об их выживании.

Содержание

Часть первая	10
Часть вторая	24
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Костин
Пако Аррайя. По ту
сторону пруда – 1.
Туман Лондонистана

Знак информационной продукции (Федеральный закон
№ 436–ФЗ от 29.12.2010 г.)

Редактор: *Лев Данилкин*

Издатель: *Павел Подкосов*

Главный редактор: *Татьяна Соловьёва*

Руководитель проекта: *Ирина Серёгина*

Арт-директор: *Юрий Буга*

Корректоры: *Лариса Татнинова, Светлана Чупахина*

Верстка: *Андрей Фоминов*

Дизайн обложки: *Дмитрий Черногаев*

© С. Костин, 2013

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2026

* * *

СЕРГЕЙ
КОСТИН

ПАКО
АРРАЙЯ

ПО ТУ СТОРОНУ ПРУДА – 1.
ТУМАН ЛОНДОНИСТАНА

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Часть первая

Похищенные-1

1

Вы видели, как вода уходит через воронку? Это заметнее, когда в нее попадает соринка. Сначала она приходит в движение совсем медленно, принимаясь вращаться по самому краю воронки. Потом соринка постепенно смещается к центру, а движение становится быстрее. В конечном счете соринку засасывает в водоворот, и она разом исчезает в его мини-пучине.

Вот так случилось и на этой операции. Я долго крутился по периферии, полагая, что нахожусь на оси вращения. По ходу движения что-то удавалось, и мне казалось, что вот он, конечный смысл всей затеи. И я как-то не думал, не замечал, что движение ускоряется и исподволь подводит меня к реальному центру событий. И что когда я наконец там окажусь, удержаться на поверхности мне уже не удастся. Вообще удержаться не удастся. Дальше уже я терял какой бы то ни было контроль над событиями, становился соринкой, которая, повинувшись внешним силам и законам физики, проваливается в никуда.

Я почему-то не удивился, увидев снова рыжего (о нем потом). Играли-играли свою тревожную мелодию скрипочки в моем воспаленном мозгу, вот и развязка. С ним был еще один парень. Тоже лет тридцати пяти – сорока, но в костюме и при галстукe.

– Могу я, джентльмены, попросить ваши документы? – решительно произнес второй, в костюме.

Он был похож на ящерицу – его улыбка, вернее оскал, не обнажала верхних зубов. Нижние же зубы были неровные и цвета ближе к коричневому, как у заядлых курильщиков и любителей кофе. Он, несомненно, был англичанином, но из народа, Оксфордов с Кембриджами не оканчивал.

– А в чем дело? – строго спросил Лешка Кудинов, который прекрасно понял, в чем дело.

– Пожалуйста, просто предъявите документы, – сказал рыжий. У него английский был еще тяжелее, чуть ли не кокни. – Не стоит привлекать внимание.

Ничьего внимания мы не привлекали. Вокруг вообще никого не было, кроме старика в панаме, перемещавшегося с помощью двух палок. Нас остановили на площади, обрамленной жилыми, коричневыми с белым, зданиями и с чудным английским сквером посередине. Мы с Лешкой стояли друг напротив друга, а адская парочка подошла с обеих сто-

рон между нами, замыкая квадрат. И что нам делать? Скорее всего, прежде чем подойти, эти ребята подготовились. Если они из контрразведки, как было похоже на то, где-то в двух шагах их подстраховывают коллеги.

Показать им паспорт? У меня американский, у Кудинова с собой английские права. Можно попробовать сыграть в туриста: заблудился человек и попросил местного жителя сориентировать его. Им ведь я нужен, Лешка может выкрутиться. Но мой друг соображал быстрее.

– Вы из полиции? – спросил он своим самым надменным тоном. – Сначала вы предъявите удостоверения. На каком основании вы останавливаете людей?

– Мы не из полиции, – сказал рыжий, залезая во внутренний карман.

А тот, в костюме, оглянулся, и я услышал, как, визжа шинами, к нам рванула машина. Рыжий же полез не за бейджем. В руке у него оказалась длинная черная коробочка с двумя блестящими жалами, которые уперлись мне в ребра. Заряда он не пожалел, потому что свет померк и я даже не увидел, что стало с моим придирчивым другом.

3

Я очнулся оттого, что на меня упало что-то жесткое, но не очень тяжелое. Руки у меня были связаны за спиной, голова была как будто вынутая из тисков, во рту – кислый вкус

электричества. У нас в отдельных штатах электрошокеры запрещены. Огнестрельное оружие – нет. Выстрелить в определенных обстоятельствах человеку в сердце или в голову разрешается, а вот применять электрический заряд – всегда уголовное преступление. Очень гуманный закон.

Так я сначала разобрался со своими физическими ощущениями и только потом вспомнил, что нас с Лешкой в разгар дня и в центре Лондона похитили двое англичан. Не арабы, не афганцы, не пакистанцы – такие же, как мы, белые. Ну, как я сказал, один из них был рыжий, весь в веснушках.

Я попробовал встать на колени, и предмет, который привел меня в чувство, свалился на дребезжащий пол. Дребезжащий, потому что я ехал в машине. Видимо, в товарном фургоне, потому что внутрь не проникало ни луча света.

Я сделал шагок в сторону. Когда ты стоишь на коленях, твои шагки совсем маленькие. Предмет был похож на алюминиевую стремянку: он был длинный и достаточно легкий. Я переступил в другую сторону и наткнулся на что-то мягкое, на человеческое тело. Я потолкал его коленом:

– Эй, это ты?

Тело зашевелилось.

– А это ты? – промычал Кудинов. Язык у него ходил, как поршень в цилиндре, из которого вытекло масло.

Я услышал и отчасти почувствовал, как Лешка тоже принялся подниматься на колени. Темнота была кромешной. Машина ехала быстро и без остановок – мы явно выбрались

из Лондона и мчались теперь по автостраде.

– Живой? – задал бессмысленный вопрос я.

– Сейчас бы заземлиться, – пробормотал Кудинов. – Я до сих пор как на вольтовой дуге.

Теперь мы сидели друг против друга, касаясь коленями.

– У тебя руки тоже связаны? – продолжал бессмысленно интересоваться я. – Тоже за спиной?

– Да. – Лешка поерзал. – Наручники не игрушечные, не пластмассовые.

– Хотя на контрразведку это не похоже. И на полицию тоже, – размышлял я. – Те бы предложили проехать с ними, на худой конец затолкали бы в машину. Да и мы уже давно за городом.

– Для арабов или пакистанцев парни цветом не вышли, – внес свой вклад мой напарник.

– Твои предположения?

– Хрен его знает.

Лешка сказал не «хрен». А ведь вообще-то он не матерится.

– У тебя что в карманах? Они нас обыскали? – спросил я.

Кудинов заерзал.

– Да нет. Бумажник вроде на месте. И мобильник тоже.

– Что в бумажнике?

– Права. Танькина фотка с Максимом. Деньги – не так много. И две кредитки. Ну, пара дисконтных карточек. А у тебя?

– Тот же набор, только с паспортом.

– На Пако?

– Да.

– Вот гадство, от этого не избавишься. Я кредитки точно не прожую. А телефон у тебя тоже не забрали?

Я, изгибаясь как женщина-змея, прикинул на вес карманы пиджака.

– Нет, оба мобильных здесь – местный и нью-йоркский.

– Спешили ребята. Похищение людей – здесь за такое по головке не погладят. Давай попробуем позвонить. Залезешь ко мне в карман?

Я стал перемещаться короткими шажками. Одет Кудинов был по-летнему, в свободную рубаху, так что телефон лежал в кармане джинсов. Обе руки туда не пролезают, одной – сложно, да еще и джинсы были в обтяжку. В общем, получилось у меня исключительно благодаря высшему предназначению, иначе не объяснишь.

Я развернулся к Лешке спиной, чтобы он видел экранчик телефона, когда тот загорится.

– А куда звонить будем?

– Есть один номерок. Надеюсь, они определяют как-нибудь, откуда я звоню. Давай теперь входи в меню.

То, что он назвал «меню», было многоуровневым и многоколенным лабиринтом опций. Кудинов еще точно не помнил, где у него телефон для экстренной связи с резидентурой запрограммирован. В общем, процесс занял минут пять.

– Вот он, абсолютно точно, – определился наконец мой друг. – Жми теперь.

– Придумал уже, что сказать?

– Не волнуйся, скажу. Там автоответчик.

Телеграфным стилем Кудинов владел на отлично. Он сообщил, что был похищен с другом двумя белыми мужчинами на Дорсет-сквер около 12:20. В настоящее время нас везли связанными в грузовом минивэне в неизвестном направлении по автостраде.

В трубке вдруг раздался голос – нет, там не просто автоответчик был. Поскольку никто из нас поднести телефон к уху был не в состоянии, Лешка помог мне найти громкую связь.

– Назовите себя, – без куриного кудахтанья и телячьих нежностей, по-деловому и по-английски потребовал голос.

– Рабиндранат. – Мой просвещенный друг черпает свои кодовые имена (а их периодически надо менять, как пароли на интернет-сайтах) исключительно из мировой литературы. – И еще... Ты сейчас кто?

– Титикака.

Это озеро такое в Южной Америке. Для меня кодовые имена до сих пор тоже игра.

– Сможете выйти на связь снова? – бесстрастно осведомился голос.

– Телефоны у нас, скорее всего, отберут, как только мы остановимся.

– Тогда немедленно сотрите из памяти наш номер. Мы

попробуем определить ваше местоположение и как можно скорее придем на помощь.

Последние слова голос произнес уже квакая – мы въезжали в какую-то слабую ячейку в сотах. А потом сигнал пропал. Хотя, судя по тону живого автоответчика, мы все друг другу сказали.

– Запомни номер, прежде чем мы его сотрем, – потребовал я.

– Хорошо, только какой смысл? Телефоны отберут в первую очередь.

– Смысл есть. Они же не знают, что у меня два мобильных. Английским пожертвуем.

Я снова поупражнялся в нажимании кнопок вслепую и затекшими руками. Запястья у меня уже были натерты до боли. Наконец Лешка объявил, что все получилось, и я с неменьшим трудом засунул телефон на старое место в джинсах.

– Так, теперь твоя очередь.

Я был в легком льняном пиджаке. Местный мобильный у меня всегда в правом кармане, а американский – в левом. Мы поменялись местами. Теперь Кудинов повернулся ко мне спиной и, широко расставив колени, чтобы пододаться поближе, начал непростые манипуляции. Только достал он телефон из левого кармана.

– Это не тот телефон. Это мой американский, – прошипел я.

– Я так и хотел. Мы дураки, – с гордостью, что на самом деле он-то умный, провозгласил Алекси, как Лешка себя называет. – Надо именно с твоего телефона позвонить ребятам, чтобы они нас отслеживали. Английские у нас отнимут, а американский мы припрячем.

Я об этом тоже думал.

– Не уверен. Мало ли кто в резидентуре работает. Днем на нас, ночью – еще на кого-нибудь. У меня этот номер уже давно, меня по нему и через сто лет после смерти найти можно.

– А Мохову?

Я подумал. Володя Мохов был у меня на связи с лондонской резидентурой. Я ему не только звонил, но и несколько раз с ним встречался. Так что перед ним я в любом случае был засвечен.

– Ладно, согласен, – проскрипел я. – Но Мохов что, сможет что-то сделать помимо других наших коллег?

– Пусть у него будет твой номер на крайний случай, – мягко настоял мой друг. – Чтобы отсчет времени на эти сто лет, на которые ты мрачно намекнул, не начался прямо сегодня. Только я буду звонить, он мой голос лучше знает.

Меня опять взяли сомнения:

– Ох, нехорошо так, неправильно. Черт возьми, это же мой вечный номер!

– Попросить тех ребят, чтобы притормозили у автомата?

– Вот гадство! – снова выругался я. Но в предложении Лешки был резон. – А у тебя есть его личный мобильный?

Я-то связывался с Моховым тоже, как я считал, через автоответчик.

– Конечно. Я его на память знаю.

– Ну ладно, звони. Только Эзопом. Мало ли при ком он свои сообщения будет слушать.

– Естественно. Я без ваших указаний ни на шаг.

Мы снова поменялись местами. Я спиной к Кудинову принялся нажимать кнопки своего личного телефона, американского. А Лешка наклонился к трубке и откашлялся.

У Мохова сработал автоответчик. Не смутившись, Кудинов поведал о нашем похищении в следующих (английских) словах:

– Мы тут с нашим американским другом отправились на прогулку. Нас пригласили, а отказаться было никак невозможно. На работу мы позвонили, что нас не будет, но их без крайней нужды в детали лучше не посвящать. А тебя мы бы рады были видеть, да и хороших друзей можешь прихватить. Номер у тебя высветился, но нам лучше не звони. Мы сами свяжемся, когда сориентируемся. Просто, если захочешь присоединиться, будь наготове.

– Вроде все понятно, – самодовольно заключил Лешка. – Давай теперь отключим тебе звонок.

Я на ощупь залез в свою паутину опций. Кудинов смотрит, я нажимаю. Это заняло еще минут пять. Фургон, к счастью, все еще несся по автостраде.

– Ты придумал, куда мы твой телефончик спрячем? –

вздохнув с облегчением, спросил мой друг.

– Придумал. – Я ношу слипы, такие плотные трусы, как плавки, с резинками, обтягивающими ноги. – Расстегни мне молнию на ширинке. Справишься?

Мы проделали в обратном порядке наши балетные па. Лешка повернулся ко мне спиной и взял из моих рук телефон. А я мелкими переступаниями прокрутился, чтобы оказаться к нему лицом и максимально выпятил таз вперед, как в ламбаде.

– Вот уж не думал, что наши отношения зайдут так далеко, – проворчал мой целомудренный друг, одной рукой держа телефон, а второй подтягивая меня поближе. – Ты хоть дальше не пойдешь в своем бесстыдстве?

– А если бы я был ранен или парализован? Ты что, не оказал бы мне посильной мужской помощи? Давай-давай, лезь внутрь.

– Ну хорошо. И что теперь? Еще проталкивать? Бр-р... Как это может нравиться женщинам?

Старательности, впрочем, возникшее неудобство Кудинову не убавило. Все правильно делал, несмотря на брезгливость и отсутствие свободы движений.

– А то ты как-то по-другому устроен, – упрекнул его я. – И не думай, что я от твоих прикосновений тащусь.

– Ладно, ладно. Хватит теперь?

– Нет, так они его найдут. Дальше пропихивай, чтобы не выпячивался.

– Глубже никуда не нужно его засунуть? – продолжал ворчать Лешка. – Там вообще было бы незаметно.

– Доставать труднее. Теперь убирай руки – посмотрю, угнезвился ли.

Рука вылезла наружу, заботливо поправив по пути резинку трусов. Я покрутил бедрами. Вроде нормально: телефон лежал строго между ног, в самой промежности.

– Теперь с моим местным сотовым давай разберемся, – не отставал я.

Кудинов протестующе запыхтел: он только-только сел на пол и расправил затекшие колени.

– По нему тоже нежелательные звонки были, – пояснил я. – Давай просто сим-карту из него вынем и уничтожим.

Мы спешили. Наш фургон съехал с автострады на узкую петляющую дорогу, впрочем едва сбавив скорость. Нас с Лешкой мотало из стороны в сторону на каждом повороте. Однако и с этой задачей мой друг справился. Вынув сим-карту, он попытался засунуть ее в щель кузова, но в итоге сломал. Оно, может, так было и к лучшему.

– Теперь осталось придумать, в какой складке твоего организма спрятать твой наградной маузер, – напомнил Алекси. Чувство юмора его никогда не покидало.

– Кстати.

Кудинов намекал на шариковую ручку, которую я ношу в бумажнике. Нормальная такая ручка для использования по прямому назначению. Но еще ее можно повернуть в одну

сторону до щелчка, потом, нажав кнопку, в другую тоже до щелчка. И теперь, когда снова нажмешь на кнопку, из нее вылезет не шариковый стержень, а толстая сантиметровая игла, на раз пробивающая даже кожаную куртку и все, что под ней может быть надето. Достаточно только ткнуть ею в человека, и из иглы сама вытечет крошечная капелька, которая в течение пары секунд парализует нервную систему. Я имею в виду, что к тому времени человек окажется на полу и с него уже никогда не встанет. Все это, только намного короче, я недавно изложил Лешке.

– Твой ядовитый зуб так в бумажнике и лежит? – с надеждой повторил напоминание Кудинов.

– Конечно. Но ты прав. Давай достань оттуда ручку и просто сунь мне в карман. Вдруг не заберут.

Мы так и сделали, еще пять минут заняла эта незамысловатая операция.

Уф! Мы удовлетворенно присели на пол рядом друг с другом. Лешка даже двинул меня легонько плечом: так он был доволен, что все успели сделать. А фургон вскоре свернул на дорожку, засыпанную гравием, и, проехав с хрустом метров триста, остановился.

– Просто не терпится познакомиться с ребятами поближе, – проворчал Кудинов.

А мне как хотелось! У меня возникло с полдюжины вариантов, кто бы мог стоять за нашей вынужденной прогулкой. И начинать анализировать с этой точки зрения каждого из

моих контактов в Лондоне стоило с самого начала, с египтянина.

Часть вторая

За пять дней до похищения

1

Ненавижу, когда важные дела приходится делать наспех. Когда встречи, где имеет значение каждое слово, высказанное или невысказанное, каждое секундное колебание собеседника, возможно затрагивающее непреклонность его характера, каждый его напускной наскок, способный скрывать уже созревшее отступление, – одним словом, встречи, которые нужно выстраивать заранее, мысленно проигрывая с партнером и свою роль, и чужую, должны произойти вдруг, вот прямо сейчас.

А в тот приезд в Лондон в конце сентября 1999 года я даже не успел повидаться с кем-либо из Леса, чтобы по-настоящему обсудить задание. Встреча с агентом должна была состояться через час после моего прилета, в девять утра.

Рейс не опоздал: самолет приземлился в Хитроу ровно в 7:15. Зарегистрированного багажа у меня не было: только чемоданчик на колесиках, с каким пускают в салон. У выхода из таможенной зоны, держа в руке табличку с моим именем, искал прибывших пассажиров глазами пожилой человек в

кителе цвета нейви и в форменной фуражке транспортной компании. Довольно смуглый, с орлиным носом и чрезвычайно вежливый, как-то церемонно учтивый в стиле XIX века – по всем перечисленным признакам на русского не похожий. И общались мы с ним на языке страны пребывания – если обмен двумя десятками слов с обеих сторон можно назвать общением. Однако, как следовало уже из самого факта его появления рядом со мной, высоким доверием Конторы пожилой джентльмен был облечен всецело. Совершенно неожиданные люди попадают иногда в нашу паутину.

Пока мы доехали до города, я успел просмотреть несколько страничек, лежавших в запечатанном конверте, который вручил мне этот переквалифицировавшийся дворецкий из романов Вудхауса. В нем находилась справка на помощника египетского военно-морского атташе по имени Ашраф Абдельхамид: он лишь за две недели до того прибыл на новое место службы в Великобританию. Не знаю, насколько майор Абдельхамид отработывал свои обязанности по прикрытию, но на самом деле он был профессиональным контрразведчиком и его задача состояла в выявлении и нейтрализации радикальных исламистов.

Из справки явствовало, что брат Ашрафа являлся телохранителем президента Садата и что он был убит во время того самого покушения в октябре 1981 года, когда погиб и сам Садат. Вот тогда-то Ашраф начал собственную священную войну, и врагами его считались все мусульманские экс-

тремисты, а в особенности люди из «Египетского исламского джихада»¹. В справке отмечалось, что, будучи образованным человеком и заботливым отцом четверых детей, Ашраф отличался непримиримостью и даже безжалостностью, как только речь заходила о террористах.

Да, что еще я не пояснил. Почему для связи с Ашрафом потребовался американец или человек, неотличимый от американца? С этим агентом Контора работала, что называется, под чужим флагом. То есть Ашраф думал, что передает сведения ЦРУ или какой-то еще организации, но точно для правительства США. Платили ему хорошо, так что за такие деньги он мог бы согласиться сотрудничать с кем угодно, включая русских. Тем не менее в Лесу решили не рисковать. Ашраф получил образование в Штатах, в Вест-Пойнте, Америка ему нравилась – зачем экспериментировать?

Мы встречались в крошечном, на шесть столиков, кафе в Сохо. Ашраф завтракал в проходе спиной к стене и, как и было условлено, перебирал DVD. У меня, как и было условлено, белел бинт на мизинце и безымянном пальце левой руки – выходя из машины, я надел лежавшую в том же конверте нашлепку. Когда я проходил мимо Ашрафа, он уронил один диск и я поднял его. Все правильно: сборник диснеевских мультфильмов.

¹ Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116. Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

– У моего сына был такой же, пока его не сжевал наш ротвейлер, – любезно назвал я пароль, протягивая ему диск.

Ашраф поблагодарил, я сел у окна и заказал эспрессо.

Египтянин оказался неожиданно темнокожим, как суданец или эфиоп. Лицо его было вытянутым и очень худым, с резко выступающими скулами и ввалившимися щеками. Глаза напряженные, без малейшего намека на средиземноморскую мягкость, восточную бархатистую глубину и искорки иронии, присущие столь многим арабам.

За мной в кафе никто не вошел, на улице подозрительных движений тоже не наблюдалось. Покопавшись для виду в своей сумке через плечо, я залпом выпил неожиданно горький, как хина, допинг, запил принесенной вместе с кофе водой и вышел к машине. Она стояла чуть поодаль, так, чтобы ее не было видно сквозь витрину кафе. Бывший дворецкий поспешно выбрался наружу, надевая фуражку, и, обогнув новехонький солидный «Ровер–75», открыл мне дверцу. Я остановил его знаком и обернулся. Ашраф уже стоял на тротуаре, ища меня глазами. Мы оба нырнули на заднее сиденье, и «ровер», породисто урча, влился в поток. Мне рекомендовали провести первый разговор именно в машине, так что я шифровался по минимуму.

– Зовите меня Майкл, – представился я, протягивая египтянину руку.

– Ашраф, очень приятно, – отозвался он.

Рука была крепкая и сухая. Когда люди нервничают, за-

частую руки у них потеют. И назвался он своим настоящим именем.

Напор, напор, даже если прешь наудачу! Люди сразу чувствуют, когда в разговоре ты поплыл. Пусть даже общее место, но задавай тон.

– Я слышал о вас много хорошего и тоже рад знакомству. – Я улыбнулся своей самой широкой улыбкой. – Надеюсь, мы вместе сделаем много хорошего для наших стран.

Это был один из крючков, на которые поймали Ашрафа. Он делился сведениями с нами, а мы в свою очередь снабжали его данными на террористов из своих источников. Контора даже выигрывала, чтобы с нашими противниками разбирался кто-то другой, еще более заинтересованный в их ликвидации. То есть сотрудничество с египтянином можно было бы даже перевести в официальное русло. Только это никому не было выгодно. Контора не хотела, чтобы обнаружилось, что он помогает русским: не факт, что его начальникам это бы понравилось. А для Ашрафа такой расклад был привлекательнее с точки зрения результативности и карьеры. Одно дело, когда ты передаточное звено, и совсем другое, когда важную информацию ты добыл сам. Ну и, разумеется, плюс бонусы в конверте. В справке эти полезные соображения изложены не были – сам додумал, пока ехали из аэропорта.

– Что привело вас в Лондон? – спросил Ашраф.

Хотел бы я сам знать наверняка. Черт бы их побрал там, в Лесу! Эсквайр, мой бессменный куратор, что, в отпуске?

– То же, вероятно, что и вас. Активность наших общих врагов.

Попробуем переложить заботу о поддержании разговора на агента. Египтянин нервно заерзал на сиденье.

– Я не понимаю бездеятельности наших общих друзей, – горячо сказал он. – Известно, что такова традиционная британская политика: растить чертополох и бросать колючки за шиворот всем, кто подвернется, включая союзников. Ну, с нами понятно – мы бывшая колония, поспешили стряхнуть с себя их покровительство, и поделом нам: «Сами теперь расхлебывайте!» Но вы же тоже боретесь с теми уродами (Ашраф сказал «шайтанами»), которых они прикрывают. Почему англичане не прижмут их у себя хотя бы из солидарности с вами?

– Мы тоже бывшая колония, – улыбнулся предполагаемый и отчасти реальный американец. Глубокомысленная ирония всегда успешно маскирует недостаточную информированность. – А пятьдесят первым штатом Великобритании стать не торопится. И, – я многозначительно посмотрел на Ашрафа, – будем откровенны: мы пожинаем то, что посеяли.

Египтянин кивнул. Его заклятый враг – «Египетский исламский джихад»² – к тому времени уже практически влился

² Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03–116. Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

в «Аль-Каиду»³, некогда любимое детище ЦРУ.

– Так чем я могу вам помочь? – спросил Ашраф, завершая обмен любезностями и общими фразами.

Это-то я себе представлял, хотя и в общих чертах.

– Нам хорошо бы иметь пару надежных источников в организациях, готовящих боевиков для горячих точек. Хотя бы в самых активных районах, типа Брикстона или Финсбери-парка.

Ашраф снова согласно покивал. Наши задачи здесь явно совпадали.

– Они сейчас занимаются в основном Чечней. Туда идет самый большой поток.

– Никто не знает, куда этих людей перебросят потом, – уклончиво сказал я. – Так что Чечня нас тоже интересует.

Собственно, Чечня нас и интересовала. После августовского вторжения отрядов Шамиля Басаева в Дагестан российские войска начали бомбить базы боевиков в Чечне – на отдаленной, но все же своей территории. В никем не признанной, но считавшей себя независимой Чеченской Республике Ичкерия⁴ это сочли агрессией иностранного государ-

³ Организация признана террористической решением Верховного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2008 г. № ГКПИ 08–1956, деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Правительство Чеченской Республики Ичкерия признано террористической организацией решением Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2024 г. № АКПИ24–898с. Деятельность организации запрещена на территории Российской Федерации.

ства. Президент Масхадов что ни день выступал со все более яростными протестами и взывал к международной общественности. Однако на самом деле, будучи бывшим полковником Советской армии и трезвым человеком, он, как мог, готовился к неминуемому массовому вторжению российских войск. Мусульманские наемники, в первую очередь выходцы из арабских стран, представляли собой в Чечне все более внушительную силу.

– У нас в данной среде есть свои люди, – сообщил Ашраф. – Но я же только приехал и еще не успел встретиться со всеми. Дайте мне неделю-другую, и я смогу реально быть вам полезным.

Я вежливо улыбнулся:

– Боюсь, речь идет о днях и часах, а не неделях.

Я ведь много работал с арабами. Они искренне хотят вам помочь, однако, чтобы дело продвигалось, их нужно держать за руку. Иначе за ту же руку их возьмет кто-то другой, со своими проблемами, и ваши отойдут на второй план.

Ашраф с сомнением посмотрел на меня:

– Так скоро? Ну, не знаю... Надо быть реалистами. В ближайшие дни я смогу дать вам наводки только по вербовкам в Чечню.

– Отлично! – Еще одна широченная, на сей раз абсолютно искренняя улыбка. – С чего-то ведь надо начинать.

С людьми, которые и должны были объяснить мне, зачем я, собственно, был вызван в Лондон, я встретился лишь часа через два после этого первого, самого важного контакта. Причем мне пришлось почти что вернуться в Хитроу. Дело в том, что по интересующему меня контингенту работал сотрудник резидентуры с прикрытием в представительстве «Аэрофлота». Он в скором времени ждал самолет из Москвы и поэтому попросил подъехать поближе к аэропорту. Человека звали Владимир Мохов, не знаю, настоящим было его имя или нет. Почему Мохов не мог проинструктировать меня рядом со своим рабочим местом и прямо после моего прилета, остается тайной. Но чему удивляться? У нас ведь тайная служба.

Я ехал на встречу не один, а со своим самым старым, самым близким, единственным настоящим другом. У Лешки Кудинова мать – полька, и воспитывала его польская бабушка. Его жена Таня, с которой они познакомились уже после нашей подготовки, тоже наполовину полька, только по отцу. То есть они оба прекрасно говорили по-польски. Так вот все сложилось: случайно – не случайно, но исключительно удачно. Потому что прослеживалось ли в их браке ненавязчивое подталкивание Конторы или нет, но в Англии Кудинов считался диссидентом, бежавшим с женой из коммунисти-

ческой Польши. Он и жил там под фамилией жены – Возняк, как-то это помогло им с документами.

Лешка подхватил меня в городе – я просто пересел в его машину. Та, которая была нанята для встречи в аэропорту, поехала отвозить мой чемодан в гостиницу, а я уселся на переднее сиденье рядом со своим другом. Мы даже обняться не могли, так что всю дорогу только глупо улыбались и обменивались тычками в бок. И болтали мы не о деле, а обо всяких пустяках.

Правда, в какой-то момент Кудинов вспомнил все же, что должен передать мне временные документы. На сей раз это был мексиканский паспорт и водительское удостоверение на имя Мигеля Гомеса, пара кредиток, полицейский бейдж с номером, роскошные накладные усы и мохнатые черные брови с маленьким тюбиком специального гримерного клея. Еще в конверте был местный мобильный телефон. Я разложил свои приобретения по карманам, но то, что выдавало во мне американского гражданина Пако Аррайю, передавать через Лешку на хранение не стал. Я останавливался в отеле по своему паспорту как Пако Аррайя, да и телефон американский мне был нужен для связи с семьей и с работой. Пусть будет и то и другое. Этот мексиканский полицейский поживет пока в сейфе в моем номере.

Лешка был старым лондонцем, и за дорогой я не следил. Мы проезжали бесчисленные городки, переходящие один в другой и лишь изредка проложенные полями – в основном

для гольфа. В одном месте Кудинов притормозил на расширении главной улицы, которое с натяжкой можно было счесть за площадь. Все места для парковки оказались заняты. К счастью, когда мы пошли на второй круг, как раз надумала отъезжать серебристая «мазда».

– Лешка, вон смотри! – воскликнул я.

Кудинов загадочно улыбнулся:

– Надо же какая удача!

Это был автомобиль Мохова.

Лешка пошел купить газету и убедиться, что хвоста за нашим связником не было. Два таксиста болтают, выйдя из своих машин. Пожилая женщина на велосипеде с корзинкой на переднем багажнике остановилась перед булочной. Небритый растрепанный мужик сидит на скамейке, широко расставив ноги, и жадно ест сэндвич, роняя крошки на землю. Он из всех самый подозрительный, но – а я внимательно слежу за ним – только жует, на нас не смотрит и не говорит ничего в спрятанную гарнитуру.

Кудинов вернулся в машину:

– Ну?

– Вроде все славно, – отчитался я.

Мы с Кудиновым не любим обычных для таких ситуаций слов – типа «чисто» или «спокойно», – все время что-то свое изобретаем.

Лешка поднажал на газ, и через десяток минут мы серебристую «мазду» нагнали – она еле ехала. Заметив нас в

зеркало, водитель прибавил скорость. Мы подъехали к лесу, только-только начинавшему переходить от нивелирующей индивидуальности зелени к ярким краскам осени. В любом случае свое название Black Park, которое я видел на указателях, лес не оправдывал.

«Мазда» свернула на проселочную дорогу между двумя кущами деревьев, мы последовали за ней. Зашуршала под кузовом высокая подсохшая трава, еще пара неглубоких ямок – и Лешкин черный «ренджровер» остановился, почти оперевшись в бампер «мазды». Там было такое хорошее место под плотной кроной кустов бузины, как раз на две машины, – даже со спутника нас не засечь. Мохов уже вылез наружу и теперь шел к нам, поигрывая ключами.

Во всеобъемлющем и вряд ли окончательно разрешимом вопросе, меняются ли люди с годами или нет, я придерживаюсь отрицательного мнения. Нет, в сути своей не меняются. У меня с тех пор, как я стал задумываться над подобными вещами, появилась некая абберрация зрения. Я смотрю на ребенка и вижу вдруг, каким он будет, когда вырастет. И наоборот, взрослый человек становится для меня намного понятнее, когда я спонтанно понимаю, каким он был в детстве. Я не делаю для этого никаких сознательных усилий, это не усвоенная мной техника психотренинга (я даже не знаю, существует ли такая), все происходит помимо меня. Вот подходит к нам мужик слегка за сорок, такой уже немного потертый коврик с блестящими залысынами, с меш-

ками под глазами, потерявшими белизну зубами и обозначившимся брюшком, а я вижу маленького вихрастого мальчишку, живого, как ртуть, проказливого и непослушного.

Он – я сейчас про Мохова – был когда-то таким вот шалопаем с гвоздем в заднице. Если он видел дерево, ему на него обязательно нужно было взобраться. Если ему попадалась щель – куда-нибудь в подвал полуразрушенного дома, – в нее непременно надо было протиснуться, даже если впереди была лишь сырая темнота. Таких детей не застать дома с книжкой: все свободное время они, как молодые псы, спущенные с поводка, жадно исследуют окружающий мир. Все необходимо попробовать, пощупать, а для предметов, до которых дотянуться невозможно, существует рогатка.

Образ этот был таким ярким, что чуть позже, когда мы уже прогуливались по просеке, я даже спросил Мохова:

– Слушай, у тебя же в детстве была рогатка?

Он не удивился – ответил охотно и по существу:

– У меня классная была – все завидовали. Деревяшку я сам в лесу подобрал – еловая, подсохшая, как железная была. А резинку мне мама из больницы принесла – широкую, бежевую, от какой-то медицинской штуки. У других-то ребят обычные резинки были, как в трусах, моя в три раза дальше была.

Мы все трое, как выяснилось, были ровесниками – Мохову тоже исполнилось сорок два. Непослушных белокурых вихров на голове у него давно не было; волосы поредели, по-

тускнели и настолько оголили лоб и макушку, что он стриг их совсем коротко. К чему, правда, и я к тому времени пришел. Лоб моего связника полностью выдавал человека действия: он был узким и от бровей шел под острым углом; это называется латеральная ретракция. Нос у него был под стать: узкий, с тонкими нервными ноздрями. Если смотреть в профиль, кончик носа и конец залысин были на одной покатой линии, с небольшим порошком, отмечающим начало лба. Таков типичный портрет охотника. Не обязательно человека, который ради собственной забавы убивает невинных живых существ, получивших такое же право на жизнь, как и он сам, — охотника по отношению к внешнему миру.

У Лешки, кстати (я это всегда знал, просто сейчас они оба перед моими глазами маячили), ретракция не латеральная, а фронтальная. Что означает, что лоб у него не скошен, а, наоборот, возвышается от бровей практически вертикально. Это если смотреть в профиль. А анфас видно, что лоб не только высокий, но еще и как-то расширяется от висков. Так что у Кудинова места для мозгов много. Однако в подобных случаях вопрос в том, заполняют ли они выделенное для них обширное пространство целиком и имеют ли они поверхность, сплошь испещренную бороздками и извилинами, или же, наоборот, гладкую, как у гандбольного мяча. Томограмму его мозга я не видел да и не знаю, делал ли ее Лешка когда-либо. Однако по косвенным признакам драгоценное пространство у него, скорее всего, не пустовало, а

поверхность органа должна была напоминать грецкий орех, что-то в таком роде.

При всем при том Кудинов не стал ни равным Эйнштейну, ни вторым Шопенгауэром, ни новым Берлиозом (у которого лоб как раз является хрестоматийным примером фронтальной ретракции). Он – гедонист и смотрит на жизнь с ироничной усмешкой созерцателя. Не брезгуя действием, даже очень любя приключения и риск, но ни во что до конца не вкладываясь. Способностей у него хватает, чтобы оставлять позади самых ревностных и старательных, однако успехи, равно как и неудачи, радуют его или огорчают лишь слегка, по касательной. Когда нас готовили, Кудинов взял себе первое кодовое имя Джойс, но он до сих пор похож скорее на Оскара Уайльда.

О том, что мы с Лешкой большие друзья, в Конторе знает, надеюсь, только Эсквайр. У нашего начальника в действующей обойме наверняка есть и другие нелегалы, неотличимые от настоящих американцев, но заняться данным делом он попросил меня именно по этой причине. Нам с Кудиновым не надо друг к другу притираться, выстраивать отношения, пытаться доминировать или, напротив, перекладывать ответственность на другого. Потому что времени на перетягивание каната не было.

Вопросов я поднакопил множество. С меня с лихвой хватило утреннего разговора по наитию, на основании собственных обрывочных знаний, и с необходимостью отделяться туманными фразами. Почему Лондон, когда речь идет о вербовке арабских наемников? Если это так, на что смотрят британские власти? Почему именно египтяне проявляют такую непримиримость к исламским радикалам? Наконец, нельзя ли было прояснить все подобные странности до встречи с агентом, а не после нее? На последний вопрос, кстати, ответа я не получил ни в ходе, ни когда-либо по завершении операции. Не тем людям его задавал.

– Почему Лондон? – переспросил Кудинов. – Ты «Бейрут-на-Темзе» слышал выражение?

– Ну да, я знаю, здесь полно мусульман.

– Больше миллиона, – вступил в разговор Мохов. – В Лондоне живет миллион триста тысяч мусульман. А вообще в Великобритании ислам исповедует каждый шестой подданный Ее Величества.

– Ребята, я много общался с мусульманами, – возразил я. – Они не все поголовно стремятся уничтожить неверных или мечтают разорвать себя на конфетти, чтобы унести кого-нибудь с собой на тот свет.

– Но все ходят в мечеть и сдают деньги на благотвори-

тельные цели, – весомо, с подниманием вверх указательного пальца, уточнил Лешка. – А для многих благо – именно то, о чем ты сказал. Вы, друг мой, пойдите послушайте, что здесь проповедуют в мечетях.

Это он мне же сказал: ему нравится быть со мной то на «ты», то на «вы».

– Я не говорю по-арабски, – отмахнулся я. Что правда: с парой десятков слов и выражений разговор не выстроишь.

– Тогда слушай, что тебе говорят по-русски, – с мягкой улыбкой хлопнул меня по спине Кудинов. Мы с ним друг по другу скучаем, а сейчас даже еще не выпили, не говоря уже о том, чтобы, как у нас принято, напиться. – Кроме тебя и твоих интеллигентных друзей, включая нас с Володей, есть еще окружающий мир. С пониманием которого у тебя, похоже, нелады.

Я так же, дружески, двинул Лешку по плечу.

– Я прекрасно подхожу к окружающему миру. Мы в равной степени несовершенны.

Мохов наблюдал за нами с интересом – не привык к нашему стилю общения. Цепкие такие глаза, так и ходят чуть исподлобья влево-вправо. А мы говорили на родном для всех нас языке, не опасаясь случайно оказавшегося в кустах человека с направленным микрофоном. Этот Черный парк совсем рядом с Хитроу – не на глассаде, где вообще невозможно было бы говорить, но в месте, где часть самолетов совершала вираж перед посадкой. Шума хватало.

– Все равно, – продолжал я, дождавшись, пока над нами не исчезнет очередное серебристое брюхо. – Почему не вербовать где-нибудь в Афганистане или в Пакистане? Кто там будет возражать? Да и проблемы у людей в тех странах другие, чем посадить или не посадить ясколку в альпийскую горку.

– Чего? – не понял Мохов. У меня в рифму получилось, может, он решил, что это поговорка.

– Ясколка – это растение такое, с белыми цветочками, – пояснил я. – Я ее весной сажал у своей тещи. Поверх всей каменной кладки. Цветет красиво, хотя и недолго.

Лешка, разумеется, про ясколку тоже не знал, но невежество свое проявлять не захотел. Решил перевести разговор и, наоборот, проявить эрудицию:

– Существуют, друг мой, освященные временем британские традиции. Вы забыли, наверное, кто только здесь революцию не готовил? И Герцен. И Маркс с Энгельсом.

Действительно, вспомнил я, в XIX веке, когда прекраснодушные философы, плохо разбирающиеся в жизненных реальностях, планировали из Лондона светлое будущее человечества, уже тогда бытовало мнение, что Англия поддерживает все революции, кроме своей собственной.

– Но Ленин сидел в Цюрихе, – возразил я исключительно из поперечности своего характера. – А Хомейни – во Франции. Я уже не говорю про тех многих, кого готовили в Советском Союзе.

– Спор чисто теоретический и потому бесплодный. – Это

типичный Лешкин способ отступления. – Вернемся к фактам. В Соединенном Королевстве вербуют около двух тысяч мусульманских наемников в год. То есть полноценный полк, за три года дивизия формируется. И половина боевиков едет в Чечню.

– Но там же уже сколько?.. Три года не воюют.

– Там уже три года хотят построить исламский халифат. А сейчас, судя по всему, включая твой приезд, начнут воевать в полную силу.

– Я не понял про его приезд, – нахмурил брови Мохов. – При чем здесь это?

– Майкла, он же Миша, – мы договорились, что меня так будут звать на той операции, – по пустякам дергать не станут. Где он, там грядут великие события.

Мохов снова свел брови: эти двое всегда дурачатся или просто его дурачат как новенького?

Мы снова прервались: над нами разворачивался очередной самолет, идущий на посадку. Меня завораживает, когда они, кажется, просто зависают на месте. Огромные, двухэтажные, а плывут медленно, как дирижабли.

– Ну, хорошо. А я-то вам зачем? – спросил я. – Мне-то что нужно делать?

– То, что ты уже начал, – пояснил Мохов. – Мы три года спали. Не спали, конечно, а собирали материал, анализировали его, писали справки, готовили отчеты. А чеченцы копили силы. Сейчас со дня на день должна начаться полномас-

штабная война. Мы проснулись. Где вербуют новых наемников? В Англии. Отлично, попробуем через Лондон заслать в Чечню своего человека. Будет информировать нас о том, что там дальше с боевиками происходит. Ну, на том уровне, на который ему удастся пробраться.

– И что, есть уже такой человек?

– Есть, чеченец. Нашли через ФСБ, – ввернул Кудинов. Тон, каким он это произнес, не оставлял никаких сомнений в том, как он относился к организации младших кузенов.

Мохов нюанс не уловил и повторил нейтральным тоном:

– Нашли через ФСБ и уже перебросили в Англию. А что дальше с парнем делать, пока не знают.

Лешка покивал головой: именно так. Но он не тупо покивал, а с подтекстом, который, зная его, как знаю его я, легко было расшифровать: стоило ли, в сущности, ожидать интеллектуальных прорывов от людей в состоянии спячки?

– В Центре предлагают внедрить его через связи твоего египтянина, – заключил Мохов.

Мы с Кудиновым переглянулись. Мы-то с ним говорим «Контора» или «Лес».

– Только у твоего египтянина не должно возникать сомнений, что он работает на американцев, – повторил Лешка, хотя это-то мне было понятно с самого начала. – А американец из нас троих только один – ты.

К чести Эсквайра (я его, напоминаю, про себя зову Бородавочник) надо сказать, что в Лесу спали не все. В линейном отделе – в том, который занимается Великобританией и от которого работал Мохов, – действительно всего лишь копили материал. В какой-то степени, формально, их можно понять. С Англией своих проблем хватает, Чечня – в нескольких тысячах километров оттуда, да и вообще на территории России. Совсем формально, это в принципе не дело Конторы – есть ФСБ, МВД, пусть сами свои зарплаты отработывают. Только сейчас, когда жареный петух клюнул, как с кривой эстетской усмешкой часто цитирует кого-то наверху Бородавочник, Контора, похоже, забомбила резидентуры руководящими указаниями. Уверен, мгновенно вспомнили и про чеченскую диаспору в Турции, и про мусульманские радикальные организации по всему миру, про арабских боевиков и про бывшие братские республики, через которые те просачиваются на российскую территорию.

Эсквайр, пользуясь тем, что его деятельность контролируют от силы два-три человека, да и то в общих чертах, всегда выстраивает собственные схемы. И выстраивает их загодя, незаметно, не привлекая дополнительные силы. Он в работе опирается не на приказы и указания сверху, а на свой анализ и на свои прогнозы развития самых разных ситуаций по все-

му миру. Есть у него в Лондоне нелегал по фамилии Возняк, а по служебному удостоверению Алексей Кудинов? Так тот работу по исламистам с 1996 года, с завершения Первой чеченской кампании, и не сворачивал.

Лешка – а за ним, как и за мной, тоже стояла уже двадцатилетняя карьера нелегала – считался в Лондоне ресторанным критиком с непогрешимой репутацией. Он вел еженедельную колонку уже в третьем по счету журнале (поскольку год от года его перо стоило все больше), а также сотрудничал с ежегодно обновляемым гастрономическим путеводителем «Мишлен», выходящем на десятке языков. Кстати, когда мне доводится приезжать в Лондон с богатыми и неприлично богатыми клиентами, я пользуюсь именно этим путеводителем и должен сказать, что он не подвел меня с самыми капризными гурманами. В кудиновской легенде был лишь один большой минус – с ним нельзя было проводить конспиративные встречи в ресторанах, разных тавернах, суши-барах, даже в приличных кафе.

Так вот, загодя, уже давно, Возняк-Кудинов затеял в своем журнале рейтинг лучших лондонских ресторанов по национальным кухням. Тупо затеял, по алфавиту, начав с буквы «а» – арабская кухня. И включил в нее блюда всего региона – от марокканского жареного голубя в сахарной пудре до ливанского морского языка в кунжутном соусе и саудовского манди-мяса с рисом басмати. В Лондоне ведь живет и туда приезжает множество богатых арабов, а они любят по-

сидеть в привычной обстановке, за привычной едой. Что – проход крупным неводом – позволяет присмотреться к вершухе исламистских организаций.

Естественно, большинство встреч интересующих нас людей происходит в заведениях попроще. Но Лешка и туда заходит. У него есть специальная рубрика «Недорого и вкусно». Разумеется, есть еще и забегаловки, где готовят хумус и шаурму, но уважающий себя ресторанный критик там показаться не может. Туда заходят перекусить наши агенты.

Конечно же, террористы – и зарекомендовавшие себя в деле, и новички – встречаются главным образом на квартирах. Кто, откуда и куда привозит компоненты самодельных взрывных устройств, кто их изготавливает, кто и куда должен их заложить – такие вопросы в публичных местах не обсуждаются. Однако, проинструктировав исполнителей, руководитель группы или целой сети в тот же день может пойти поужинать со спонсорами или отпраздновать с коллегами своего уровня очередное финансовое вливание. Поверьте, нет ни одного арабского террориста, который прожил бы неделю в Лондоне, не заглянув ни разу в место, где готовят превосходный кускус или мешуи (это барашек, зажаренный целиком на вертеле).

Признанный ресторанный критик является всегда без предупреждения. Иначе в ожидании его визита повара целую неделю будут готовить, как на прием у саудовского короля. Кто-то мистера Возняка узнает, и тогда его обслужи-

вают не хуже саудовского монарха. Вкус у Лешки – я имею в виду всякие нервные окончания на языке и нёбе – отменный, мнение – самое авторитетное. Его три, а то и четыре звезды в журнальной колонке потом охотно растиражируют путеводители и туристические интернет-сайты. А это колоссальная реклама, к тому же совершенно бесплатная. Поэтому при втором и последующих кудиновских визитах экспромтом владельца ресторана или старшего менеджера немедленно вызывают по телефону. Чтобы был под рукой – вдруг у дорогого посетителя возникнет какой-либо вопрос?

Вопросы возникают. Мистер Возняк, хотя и авторитетный критик, человек не заносчивый. Спросит не только как готовится то или иное блюдо, а и семьей поинтересуется (ведь так начинается любой разговор между добрыми знакомыми), и ваше мнение о политике выслушает (а у кого из поживших людей его нет?). Он ведь время от времени приходит пообедать или поужинать в уже хорошо знакомые места. Проверить, не испортилась ли кухня, а то и для собственного удовольствия, чтобы вкусно поесть. Многие рестораны счастливы назвать Возняка завсегдатаем. Иногда разговор так хорошо пойдет, что хозяин присоединится к нему за турецким кофе или чаем с мятой, и тогда уже можно не спешить, особенно если день жаркий, а сидишь на террасе. Правда, задобрить этого ценного человека невозможно: поговорит мило, а напишет потом, что думает, не всегда комплиментарно. Зато и уважение снискал заслуженно – что ценят все без ис-

ключения. Чего стоит хороший, но купленный отзыв, если потом на него посыплются язвительные опровержения?

Затем в каких-то заведениях арабской кухни ненадолго появляется новый завсегдатай. Обходительный, щедрый, и посмеяться готов, и, когда уже станешь с ним на короткую ногу, выручить не откажет. Человек со связями, умеет решать проблемы. И дружбу ценит. Такому сам спешишь оказать услугу, тем более что тот в долгу не останется.

Конечно, отношения складываются не всегда так гладко – на всякое можно нарваться. Не захочет хозяин, менеджер, официант или человек, который в том или ином ресторане, как говорится, столуется, делиться своими наблюдениями за клиентами: кто ведет себя необычно, кто использует это место для подозрительных встреч. Кто-то побоится, поняв, какого рода люди нового завсегдатая интересуют. Кто-то, что намного хуже, уже оказывает такую услугу полиции и поставит ее в известность. А кто-то, что совсем плохо, сам связан с террористами. Затеет двойную игру или просто придет тот человек поужинать, а потом концов его не найти. Однако в любом случае ресторанный критик Возняк будет вне подозрений.

Вот так Лешка и работал. Присматривался к людям (это называется разработка), кто-то казался ему перспективным объектом, и он передавал его гастролеру-вербовщику. Разработчиком Кудинов был хорошим, за все время жизни в Лондоне срывов и провалов у него не было. Вербовщик, а они

редко ведут потом агентов, действительно рисковал – в случае, если бы Лешка ошибся и человек из ресторана сам был связан с экстремистами. Но вербовщик приезжал на встречи из другой страны, и его всегда подстраховывала пара крепких ребят.

На выстраивание столь сложной системы, понятно, требовалась масса времени. Это не пустая фраза. Масса времени – месяцы и годы! И, понятно, денег, вложенных к тому же в неопределенное будущее. Зато к тому моменту, когда земля под ногами дрогнула, Эсквайр мог сооружать свои замысловатые конструкции не на зыбучих песках, а на заранее залитом бетонном фундаменте.

Именно по такой схеме был завербован Ашраф, до своего назначения просто регулярно наезжавший в британскую столицу. Кудинов был для него всего лишь любителем экзотической пищи за соседним столом, с кем они могли обмениваться приветствиями и переброситься парой фраз. А вел египтянина какой-то наш человек, который делать этого больше не мог. Не важно, по какой причине: он мог где-то засветиться или выйти в отставку, заболеть, умереть, в конце концов. Ашраф же был завербован формально и знал правила игры. На него в условленном месте в условленное время и с определенным паролем мог выйти любой новый сотрудник (только он думал, что «тоже американец»). Так в дело я и вступил.

Однако, поскольку большую часть работы проводил Кудинов и раз он, как и я, был учеником Эсквайра, у него на

мусульманских экстремистов была целая база данных. Ее-то он мне и передал на дискете после нашей прогулки в лесу под рокот самолетов, заходящих на посадку в режиме форсаж.

5

В Лондоне я обычно останавливаюсь в пятизвездочном «Меридьен» на Пиккадилли. Это немного пафосная, но действительно очень комфортная гостиница в самом центре города. Номера здесь недешевые – стандартный одноместный стоит 234 фунта в сутки, – но привести туда партнеров по бизнесу не стыдно. В холле все добропорядочного зеленого цвета: и стены, и ковер из ромбов двух оттенков, и кожаные кресла и диваны. Напротив ресепшена – там две стойки, чтобы клиентам не пришлось ждать, – ступеньки ведут вниз, в «Бёрлингтон бар». И там все зеленое, если не считать висящих по стенам картинок и статей из старинных газет. Но туда не ходите – разливного пива вам не дадут, что, мне кажется, для Англии возмутительно. Правда, Сохо с его многочисленными пабами в двух шагах, а ради пары пинт эля и после них пройтись несколько сотен метров даже полезно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.